Sheremetev, Dmitrii
Sergeevich
Graf Aleksiei
Vasil'evich Bobrinskoi

ГРАФЪ

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

БОБРИНСКОЙ

† 24 ноября 1888

Царю, законамъ, чести другъ.
Державинъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ГРАФЪ

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

БОБРИНСКОЙ

† 24 ноября 1888

Царю, законамъ, чести другъ.
Державинъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Декабря 1888 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Царю, законамъ, чести другъ.
Державинъ.

Сегодня, 24 ноября 1888 года, тихо скончался въ Москвѣ графъ Алексѣй Васильевичъ Бобринской. Уже нѣсколько дней онъ лишился движенія и находился въ состояніи почти полнаго безпамятства. Когда три дня тому назадъ пришелъ къ нему его духовникъ, протоіерей И. Н. Рождественскій, и предложилъ помолиться — онъ простоналъ и наклонилъ голову. Надъ нимъ совершено было таинство Елеопомазанія. Почти пять лѣтъ страдалъ онъ тяжкимъ недугомъ. Первый параличъ сломилъ его здоровье. Съ тѣхъ поръ уже жизнь его измѣнилась: онъ былъ не

*

тотъ, какимъ мы знали его около тридцати лѣтъ. Но и въ это время бывали проблески возбужденія умственнаго и духовнаго. Все такъ же горячо относился онъ къ судьбамъ Отечества, такъ же пылокъ и правдивъ былъ въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ.

Онъ прежде всего былъ человѣкъ несчастный. Какъ ни странно покажется это для постороннихъ, видѣвшихъ его окруженнымъ всякимъ внѣшнимъ благополучіемъ, но оно было такъ.

Дѣтство свое провелъ онъ въ родительскомъ домѣ, но скоро обстоятельства поставили его въ трудное положеніе, такъ какъ отецъ его, графъ Василій Алексѣевичъ Бобринской, и мать Софья Прокофьевна, изъ роду Соковниныхъ, жили врознь. Онъ былъ примѣрный сынъ, и сохранилъ какъ съ отцомъ, такъ и съ матерью глубоко-поучительныя отношенія. И родители его это оцѣнили.

Онъ былъ прилеженъ, занимался усердно, и поступилъ въ московскій университетъ, откуда временно перешелъ въ казанскій. Онъ кончилъ курсъ блистательно и продолжалъ заниматься и

читать. Можно было удивляться обширности и разнообразію его познаній. Спеціальностью его были естественныя науки, но этимъ онъ не ограничивался. Онъ былъ тонкій знатокъ художествъ, нумизматъ, собиратель древностей, библіофилъ, и въ то-же время химикъ, зоологъ и ботаникъ. Языки французскій, нѣмецкій и англійскій зналъ онъ основательно. Онъ былъ большой любитель и цѣнитель нашей литературы и поэзіи. Онъ не разлучался съ Пушкинымъ, и не было бо́льшаго для него удовольствія, какъ дѣлиться своимъ впечатлѣніемъ, читая вслухъ того или другаго поэта. У него былъ тонкій артистическій вкусъ и умѣлъ онъ различать настоящее отъ поддѣльнаго во всѣхъ родахъ и проявленіяхъ, какъ бы искусно эта поддѣлка ни скрывалась.

Онъ былъ патріотъ въ высокомъ старо-русскомъ значеніи этого слова. Онъ одинаково вѣренъ былъ преданіямъ Екатерининскаго вѣка, какъ и древней Руси — въ силу глубокаго историческаго основанія, и это стройное сочетаніе подготовило въ немъ дѣятеля на истинную пользу Отечества. Для него Россія не была простымъ

звукомъ. Онъ говорилъ чистымъ и какимъ-то особенно изящнымъ русскимъ языкомъ, какъ теперь не говорятъ. Онъ любилъ путешествія, не разъ бывалъ за границей, но и Россію изъѣздилъ онъ изъ конца въ конецъ, изучая въ особенности памятники древняго зодчества. Особенно памятна мнѣ поѣздка съ нимъ и съ В. А. Шереметевымъ въ Суздаль, въ Спасо-Евѳимьевъ монастырь...

Послѣдніе годы живалъ онъ подолгу въ своемъ тульскомъ имѣніи Бобрикахъ, гдѣ устроена имъ богадѣльня при часовнѣ, въ которой похороненъ его дѣдъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринской.

Помню широкое его гостепріимство въ Бобрикахъ и въ Оленьковѣ: это Соковнинское имѣніе, въ которомъ у него была прекрасная библіотека.

Очень молодымъ человѣкомъ женился онъ на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Львовой, прожилъ съ нею нѣсколько мѣсяцевъ... Она скончалась въ Венеціи. Онъ пришелъ въ состояніе, близкое къ отчаянію, и ошеломленный вернулся въ

Россію. Нѣкоторое время служилъ онъ потомъ секретаремъ нашего посольства въ Лондонѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтилъ онъ въ домѣ графа Михаила Николаевича Муравьева Софью Алексѣевну Шереметеву, которой тогда было едва шестнадцать лѣтъ. Она была красавица. Онъ сдѣлался женихомъ и женился въ 1859 году. Я познакомился съ нимъ въ это время.

Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ окончательно поселился въ Москвѣ, гдѣ жилъ у матери, графини Софьи Прокофьевны и съ дѣдомъ Сергіемъ Ѳеодоровичемъ Соковнинымъ.

Здѣсь занялся онъ дѣятельно Зоологическимъ садомъ; онъ былъ предсѣдателемъ Общества акклиматизаціи животныхъ и растеній и въ это время близко сошелся съ покойнымъ С. А. Усовымъ. Полное единство ихъ взаимной дѣятельности довело Общество до блистательнаго состоянія... Здѣсь впервые пришлось мнѣ любоваться его необыкновеннымъ умѣньемъ вести пренія и предсѣдательствовать. Онъ принималъ участіе и въ общественныхъ дѣлахъ, былъ депутатомъ Волоколамскаго дворянства и участникомъ много-

различныхъ коммиссій. Онъ же дѣятельно участвовалъ въ первыхъ засѣданіяхъ земства.

У него былъ испытанный вѣрный другъ, двоюродный братъ его князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ, личность свѣтлая и благородная, который былъ тогда губернскимъ предводителемъ. Онъ былъ его старшимъ другомъ и руководителемъ. Помню вечера у князя Льва Николаевича Гагарина, въ его домѣ подъ Новинскимъ. Теперь уже никого почти нѣтъ изъ собесѣдниковъ. А какая это была чистая, возвышенная среда, какія были у нихъ благородныя стремленія, у нихъ были идеалы...

Роковой ударъ разразился въ 1868 году. Трагическая смерть князя Льва Николаевича и его сына вырвала его изъ жизни Алексѣя Васильевича и мѣсто осталось не замѣнено.

У него былъ другой человѣкъ, столь же близкій ему и родственный, и по складу своему и свойствамъ души особенно ему любезный и дорогой — это шуринъ его, Василій Алексѣевичъ Шереметевъ. Лишившись Гагарина, Алексѣй Васильевичъ находилъ въ немъ поддержку и обо-

дреніе, а когда нужно и добрый совѣтъ. Они дополняли другъ друга. Девять лѣтъ Алексѣй Васильевичъ былъ московскимъ губернскимъ предводителемъ, и въ эти девять лѣтъ они шли рука объ руку.

Въ 1871 году скончалась Софья Алексѣевна. Это было существо особенное, соединявшее внѣшнюю прелесть съ удивительнымъ здравомысліемъ и стойкостью убѣжденій, унаслѣдованныхъ въ коренной русской средѣ. Твердость духа сочеталась въ ней съ чарующей кротостью нрава и съ горячимъ сердцемъ.

Его сразилъ этотъ ударъ, и такъ сразилъ, что оправиться отъ него онъ былъ уже не въ силахъ. Онъ былъ безъ воли, и мысли его бродили, трепетно озираясь и ища опоры.

Его мать скончалась еще въ 1868 году.

Онъ предался дѣламъ общественнымъ...

Подошло время конца семидесятыхъ годовъ... Оно отразилось и на его жизни, и на его дѣятельности... Онъ испыталъ и людскую неблагодарность, равнодушіе и настойчивое недоброжелательство...

Еще свѣжо въ памяти «Люторичское дѣло» и его послѣдствія...

Московское дворянство отвѣтило блистательнымъ его выборомъ на новое трехлѣтіе...

Въ 1883 году онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Казалось, для него наступило время болѣе широкой дѣятельности, но уже было поздно: всячески потрясенное до основанія здоровье, рядъ горькихъ испытаній, недочетовъ и огорченій, широко раскинувшихся и охватившихъ его со всѣхъ сторонъ — и отсутствіе той опоры, которая ему всегда была нужна въ жизни и безъ которой онъ жить не могъ — привели его къ преждевременному концу.

Въ скорбную минуту, въ порывѣ горя высказалось его чувство Софьѣ Михайловнѣ Шереметевой, съ которой поддерживалъ онъ дружескія отношенія:

Ужели ты не укротила
Въ себѣ восторговъ юныхъ пылъ,
Иль жизнь тебя не задавила
И чувства пламень не остылъ?...

Скоро суждено было ему лишиться и ея: Софья Михайловна умерла въ 1880 году. Вслѣдъ за ней умираетъ и В. А. Шереметевъ...

Переполнилась мѣра испытаній... Его постигъ роковой ударъ...

Теперь уже нѣтъ между нами Алексѣя Васильевича. Съ нимъ отходитъ цѣлый міръ преданій, воспоминаній и свѣтлыхъ образовъ...

Кто не вспомнитъ гостепріимнаго, радушнаго и ласковаго хозяина, всегда готоваго и дать хорошій совѣтъ, и помочь словомъ и дѣломъ, и угостить на славу? — А кто имѣлъ въ жизни утѣшеніе его знать, кто оцѣнилъ его неизмѣнный привѣтъ и высокія душевныя качества, тотъ не забудетъ его до послѣдняго дня...

Миръ его свѣтлой, но мятежной и многострадальной душѣ.

Графъ Сергій Шереметевъ.

Москва.
24 ноября 1888.

